Литература

1. Климов, Е. А. Психология воспитания / Е. А. Климов. – М. : Юнита, 2000. – С. 95–109.
2. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
3. Хомский, Н. Картезианская лингвистика / Н. Хомский. – М. : Книга, 2005. – С. 47–96.
4. Чуковский, К. Тараканище [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rustih.ru/kognej-chukovskij-tarakanishhe/>. – Дата доступа: 20.12.2017.
5. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ)

Т. С. Симян

Ереванский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
ул. Алека Манукяна 1, 0025,
Республика Армения
e-mail: tsimyan@ysu.am

В статье прослеживается экологическое сознание на примере мотива вырубki Новогодней елки в произведениях детской литературы, опубликованных в советских и постсоветских учебниках. Наличие или отсутствие указанных мотивов становится индикатором экологического сознания, ответственности его передачи следующему поколению и в советскую, и в постсоветскую эпоху. Описание данного мотива становится также зеркальным отображением ценностного составляющего политического «верха» (Главлита) и интеллектуалов (авторы, составители и т. д.) в советскую эпоху. Анализ эмпирического материала показал, что мотив вырубki Новогодней елки в основном «заглушается» в учебниках советской и постсоветской эпохи.

Ключевые слова: экологическое сознание, экологическая ответственность, новогодняя елка, советские учебники, постсоветские учебники.

**ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AND RESPONSIBILITY IN SCHOOL
TEXTBOOKS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET ERA
(ON THE EXAMPLE OF THE NEW YEAR TREE)**

T. S. Simyan

Yerevan State University, Department of Romance and Germanic
Philology, Alex Manoogian St. 1, 0025, Republic of Armenia
e-mail: tsimyan@ysu.am

The article studies the ecological consciousness on the example of the motif of cutting down of the New Year tree in children's literature, published in the Soviet and post-Soviet textbooks. The presence or absence of these motifs becomes an indicator of environmental awareness, responsibility and its transfer to the next generation. The description of this motif is also a reflection of the value component of the political "top" (the USSR censorship) and intellectuals (authors, compilers, etc.) in the Soviet age. The analysis of the empirical material showed that the motif of the cutting down of the New Year tree is mostly suppressed in the textbooks of the Soviet and post-Soviet era.

Key words: environmental awareness, environmental responsibility, the New Year tree, Soviet textbooks, post-Soviet textbooks.

Обращаясь к проблеме экологического сознания (ЭС), следует оговорить означаемое данного понятия. Для автора данной статьи оно имеет этическое составляющее. Исходным пунктом для подобного понимания проблемы послужила идея Д. С. Лихачева «основать философию экологии, а на ней — этику экологии» [18, с. 317]. Одним из ключевых моментов становится конструирование в сознании подрастающего поколения *ответственного отношения* к окружающей среде, другими словами, формирование в сознании людей экологической ответственности, что, в свою очередь, приведет к экологической или нравственной культуре. (См. подробнее об этом понятии [17]; [18, с. 311—314].)

В этом аспекте важным представляется следующее высказывание Д. С. Лихачева: «В истории существуют три этапа подхода к проблеме природы и культуры. Первый этап, который мы прошли, — насильственного изъятия у природы всего насущно необходимого. Второй этап, к которому мы переходим, — разумного изъятия, изъятия с «оглядкой», но также насильственного, и третий этап — может быть, отдаленного будущего, — полного прекращения насилия над природой и культурой и сосуществования общего, союзного»

[18, с. 319]. Из приведенной цитаты выделим наиболее важный момент. Это третий этап — «ненасилие» биосферы (об этой проблеме подробнее см. [20, с. 66—76]), заключающийся в том, чтобы из-за неререфлектированного использования природы не вывести экосистему из строя, из экологического равновесия, из точки устойчивости — гомеостаза.

Насколько экологическое сознание и ответственность были активны, осознавались в советскую эпоху и осознаются в наши дни, попытаемся проследить на примере выбранных художественных текстов, опубликованных в учебниках советской и постсоветской поры. Поясним, почему данная тема рассматривается на примере школьных учебников.

По сути, школьные учебники являются «первичными» текстами для верификации ценностных составляющих «актеров» политического поля и самих составителей, авторов по той или иной теме, в нашем случае вырубки / невырубки новогодних елок. Особенно в советскую эпоху входящие в состав учебников тексты являются сознательным или бессознательным выбором составителей. Все бессознательное «очищалось» цензурой, то есть «верхом». Интересную идею по этому поводу читаем в работе Томаса Хёне «Наука об учебниках. Черты теоретического описания учебника как средства познания и коммуникации», где учебник рассматривается как «средство передачи социокультурных знаний, которое с помощью многократно отфильтрованного, структурированного и контролируемого знания представляет самовосприятие общества» (цит. по [22, с. 448]).

Из сказанного можно заключить, что учебник становится «зеркалом» общества, а тематизация, в нашем случае описание экологического сознания и ответственности в советских учебниках, является отражением и отношением коммунистического «истеблишмента» к данному вопросу, а сам анализ мотива вырубки и невырубки новогодних елок выявляет также осознанное и неосознанное, последовательное и непоследовательное отношение *взрослого мира* к проблеме не только в советскую, но и в постсоветскую эпоху.

По сути, данная статья большей частью выявляет *природу подборки текстов для учебных пособий «взрослым миром» (составителей, авторов, политического истеблишмента и т. д.)* по данной тематике, ее ценностное составляющее экологической ответственности, а не *прямой* прагматический аспект в контексте коммуника-

ции учебник-ученик, поскольку подобный исследовательский продукт маловерифицируем, если исследователь не реконструирует свои умозаключения на основе соцопроса школьников.

Вырубка елки в советскую эпоху эксплицитно описывается и в рассказе А. Кононова «Елка в Сокольниках». «За ёлкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, поудрявее, срубили и привезли в лесную школу. Ребята видели, как прибили ёлку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтажёр Володя провёл проволоку для освещения ёлки и подвесил к веткам электрические лампочки» [12]. Хотя приведенный фрагмент взят из советского школьного учебника, но тот факт, что даже в одном из самых «канонических» текстов советской эпохи эксплицитно описана вырубка елки, свидетельствует наглядно, что 1920-е или 1940-е гг. она не осознавалась как нечто странное, неприемлемое, тем более недопустимое.

Интересен пример текста автора-составителя в учебнике 2 класса Л. А. Ефросинина. В учебнике приведен отрывок из рассказа «Чук и Гек» (1939) детского писателя Аркадия Гайдара (1904—1941), в котором описывается подготовка семьи к Новому году. После того, как смастерили новогодние игрушки, мать Чука и Гека попросила топор, но сторож «ничего ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес. Через полчаса он вернулся. < . . . > Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки» [8, с. 150—151].

Из приведенного текста становится очевидным, что в советское время после «реабилитации» елки в конце 1930-х гг. на «периферии», в двух тысячах километров от Москвы, в «Разведывательно-геологической базе номер три» рубили елки, но поскольку мать Чука и Гека находилась с детьми в тайге, и было холодно, то они могли себе позволить срубить одну живую елку и украсить дом, не выходя на сильный мороз. И кроме того, в «центре» (Москва) елочные игрушки были намного лучше, чем самодельные, изготовленные на «периферии». Примечательно, что в том же учебнике тему вырубки можно увидеть далее в стихотворении Сергея Михалкова

(1913—2009) «В снегу стояла елочка». В стихотворении елочке кажется, что лесник собирается ее срубить, но, очнувшись, она обнаруживает, что вся украшена стеклянными фонариками, горящими на ветвях: «Несрубленная! Целая! // Красива и крепка!.. // Кто спас, кто раздел ее? // Сынишка лесника» [8, с. 149].

Как видно из подборки текстов по новогодней тематике, автор-составитель Л. А. Ефросинина, удостоенная премии Президента Российской Федерации в области образования, выбрала контрастные тексты с позиции воспитания у детей экологического сознания. Если контрастность текстов *сознательная*, то, стало быть, во время урока учительница тему вырубки / невырубки ёлок призвана акцентировать и делать темой для обсуждения, в противном случае, у ребенка останется амбивалентное отношение к вырубке / невырубке новогодних елок.

Тема вырубки/невырубки встречается в российских учебниках постсоветской эпохи. Нравственный мессидж, направленный на сохранение (невырубку) елок в канун Нового года, заключает в себе рассказ Сергея Михалкова «Новогодняя быль». В рассказе не сбывается предсказание севшей на макушку Елочки сороки («Тебя все равно срубят») [10, с. 204]. Отец двух детей 31 декабря встряхнул Елочку от снега и разукрасил «легкими цветными стеклянными шариками», «тонкими серебряными нитями», а макушку Елочки украсили «большой золотой звездой».

Из описанного выше видно, каким образом украшали елки в советское время. Но это замечает только взрослый читатель рассказа. Ключевым моментом является мифологизированная концовка. После того, как 1 января отец с детьми встали на лыжи и направились к украшенной Елочке, дети отметили: «<...> хорошо придумал папа! Это будет наша новогодняя Елочка! Мы будем так украшать ее каждый год!..» [10, с. 207].

Автор специально озвучил свою «эко»-позицию устами детей лесничего. А в последнем абзаце рассказа уже слышен голос мифологизирующего нарратора: «Эта история случилась много, много лет тому назад. Давно уже умер старый лесничий. Живут в городе его взрослые дети. А в лесу посреди полянки, напротив нового лесничего, поднимается высокая, стройная ель, и под каждый Новый год она вспоминает своё детство...» [10, с. 207]. Важным, значимым моментом данного пассажа является факт, что традиция невырубki елочки передалась следующему поколению, живущему в горо-

де. Предполагается, что взрослый читатель-родитель или учитель должен акцентировать внимание именно на тот момент, что и новый лесничий не вырубил уже «высокую, стройную ель», вспоминающую «под каждый Новый год свое детство» [10, с. 207]. Почти тот же сюжет был разработан в стихотворной форме у самого же Сергея Михалкова в стихотворении «В снегу стояла елочка» [8, с. 149].

Тема вырубки/невырубки прорабатывается и заостряется и в армянских учебниках. В армяноязычном учебнике второго класса приводится рассказ Гайка Вартаняна «Елка», в которой маленькая девочка из-за нужды продает пока еще несрезанную новогоднюю елочку, посаженную ее отцом, умершим два года назад. Покупатель-нарратор во время разговора с ребенком незаметно бросает монетку в ее карман и говорит: «Знаешь, пусть останется елка, не срезай память отца» [16, с. 96]. К сожалению, девочка не заметила монетку и продолжала кричать: «Елка, елка, новогодняя елка, елка» [16, с. 96]. В рассказе много умышленных недосказанностей, что может стать темой для обсуждения учениками на уроке. Продаст ли девочка новогоднюю елку, срежут ли елку, уничтожив тем самым существенный фрагмент памяти о погибшем отце и т. д.? Хочется надеяться, что обсуждаемая тема повысит рефлексивность о невырубке елочки, поскольку эта тема эмпатически связана еще и с погибшим отцом ребенка, что, в свою очередь, учит детей, чтобы они росли и выросли с «длинной памятью».

Если в вышеприведенном тексте вопрос вырубки елочки остается открытым, то в учебнике 3 класса в рубрике «Советы мудрого» читаем, что сосна в лесу может жить 300, а иногда и 500 лет. В сосновых лесах воздух чистый и оздоровительный, и не стоит из-за нескольких дней рубить их [4, с. 91]. Если на текстовом уровне не встречается тема вырубки елки, то, к сожалению, на визуальном уровне можно увидеть вырубленную елку [14, с. 102]. Пример показывает ценностный и когнитивный дисбаланс между составителями книги и художником Т. Амяном, поскольку составители не проследили, и срезанная елка, которую держат два мальчика с двух сторон, была визуализирована.

В учебнике по русскому языку для 3 класса, составленном Багдасарян и др., читаем текст «Приглашаю в лес на елку»: «Я весь день ходил по лесу. // Думал: «Елку принесу». // Протоптал я сто дорожек, // исходил я весь лесок. // Много елочек хороших, // а вот выбрать я не смог. // Все под снегом прячут ветки, // и рубить люблю жаль. // Как же быть? Кто даст ответ? // Брать мне елку или

нет? // Зашумел тут сильный ветер: // «Нужно здесь вам праздник встретить». // В класс принес я эти вести. // И кричал «УРА!» наш класс: // — Приходите с нами вместе // в лес на елку — просим вас» [1, с. 117]. Как видно из цитаты, ветер становится голосом, пробуждающим экосознание, иными словами, природа сама «заступается» за себя. Но, конечно, определяющую роль играет совесть, эмпативность, сознательность лирического «Я» («[...] рубить любую **жаль**»). По сути, текст моделирует обратную реакцию школьников, когда они с восхищением («УРА!») принимают глас природы («Нужно здесь вам праздник встретить»).

В учебнике русского языка для 4 класса приводится текст «Новогодняя елка в лесу». В рассказе Петя, приехавший к другу Ване в гости в дом, находящийся «на краю леса», предлагает украсить елку «прямо в лесу» не какими-нибудь флажками и хлопушками, а гастрономическими «игрушками»: на верхних ветках — хлеб, ягоды, на нижних — морковь, а под елкой — капуста [5, с. 152—153]. Подобное украшение елки дает возможность увидеть снегирей, клюющих ягоды, зайцев, грызущих капусту и морковь. Как метко отмечено Петей в конце текста: «— Ну, теперь совсем хорошо — сказал Петя. — Теперь все были на нашей елке» [5, с. 153].

По сути, во фрейм Пети попадают продукты только первичной «природы» и ничего из продуктов вторичной «природы» (флажки, хлопушки). Елка в этом тексте смоделирована не как простая елка, а как Древо жизни, вокруг которой собирается животный мир и кормится, а снегири, зайцы становятся живыми игрушками. Следует указать, что смысловой фрейм Пети зооморфен не случайно, поскольку вся советская дошкольная программа новогодних представлений была богата лесными персонажами [19, с. 7—11]; [2, с. 12—14], не говоря уже о знаменитом стихотворении «В лесу родилась елочка» (1903) Раисы Кудашевой (1878—1964): «<...> Трусишка зайка серенький // Под елочкой скакал. // Порою волк, сердитый волк, // Рысцою пробегал» [6, с. 67].

(Некоторым антиподом вышеприведенных описаний является стихотворение «Что такое Новый год?»: «Что такое новый год? // Это — все наоборот: // елки в комнатах растут, // белки шишек не грызут // заяц рядом с волком // на колючей елке! // Дождик тоже не простой: в Новый год он золотой.../ Даже Дедушка Мороз // никому не щиплет нос» [5, с. 153]. В стихотворении Новый год описывается как инверсия обыденного, природы («[...] елки в комнатах

растут, // белки шишек не грызут») и проявление элемента сюрреалистического, то есть совмещение несовместимого (заяц рядом с волком // на колючей елке!)).

Животный мир встречается вокруг елки и в стихотворении М. Ивенсен «Елочка», но курьез в том, что во время морозов вместо спячки медведи собираются вокруг елочки: «— Елочка, елка, // Колкая иголка, // Где ты выросла? // — В лесу. // — Что вы видели? // Лису. // — Что в лесу? // — Морозы, // Голые березы, // Волки и медведи — // Вот и все соседи...» [6, с. 69]. Из вышеприведенных текстов видно, что сознание автора рассказа «Новогодняя елка в лесу» было «пропитано» «вещным миром» советских дошкольных новогодних утренников и канонизированных текстов по принципу «25 кадра», или «фоновых практик» (см. подробнее [3, с. 18]). Сказанное проиллюстрируем еще и на примере рассказа А. Кононова «Елка в Сокольниках», в котором елочные игрушки были зооморфные (медведи, зайцы, слоны) [12; 11, с. 29].

В том же учебнике Есаджанян и Байбуртян можно найти два антитекста по отношению к вышеприведенному. Если в тексте «Новогодняя елка в лесу» елка не вырубается, то в тексте «Елка в лесу» срубленная елка уже «стоит посреди большого класса, и Таня, и Аленка вместе со всеми своими товарищами ходят вокруг елки и поют песни» [5, с. 143], хотя эксплицитно на это не указывается.

«Опускается» мотив вырубки елки и во многих текстах советских и постсоветских учебников:

Пример первый. В букваре советской эпохи в тексте «Елка»: «В лесу росла елка. // Принесли в школу елку. // У нас в школе елка» [9, с. 34].

Пример второй. В одной армянской песне читаем: «Явилась ты издалека, // Покинула ты отчий лес // Чтобы ты себя не чувствовала одинокой // Ведем мы вокруг тебя хоровод // Новый год, Новый год» (пер. Т. Симян) [13, с. 103].

Пример третий. По просьбе ребятешек Снеговик идет в лес за елкой, чтобы принести подарок-елку от Деда Мороза (Сутеев, Снеговик) [16, с. 99-102].

Пример четвертый. «Мысленно в лес я пошел // Елочку принес // С щечками зелеными < . . >» (Вреж Вардуни «Снежный таец») [16, с. 99-102].

Пример пятый. «Из глубокого леса к нам в гости пришло // красивое дерево, весна-дерево <...>» (Нансена Микаэляна «Елка») [4, с. 87].

Таким образом, можно заключить, что школьные пособия являются «первичными» текстами для привития экологического сознания и ответственности с целью моделирования в сознании людей более высокой ценностной системы координат — экологической или нравственной культуры. Выборка текстов по теме вырубки и невырубки новогодней елки по сути является индикатором осознанного и неосознанного отношения к природе не только авторов детской литературы, но и самих составителей школьных пособий. Большой частью вырубка новогодней елки «заглушается» или подвергается монтажу («Елка», «Снеговик», «Снежный танец», «Елка» Н. Микаэляна) и в советских, и в постсоветских учебниках. Примеры текстов А. Кононова «Елка в Сокольниках», А. Гайдара «Чук и Гек», «Елка в лесу» показывают об отсутствии экологического сознания в 1920—1940-е гг. «Переходный» момент вырубки/ невырубки можно усмотреть в стихотворении Сергея Михалкова «В снегу стояла елочка», а «окончательный» вариант репрезентации экологического сознания видим в тексте того же самого автора «Новогодняя бьль». В армянских школьных материалах также эксплицитно акцентируется невырубка новогодних елок в текстах «Елка», «Приглашаю в лес на елку», «Новогодняя елка в лесу», в «Советах мудрого».

Литература

1. Багдасарян, Н. Б. Байбуртян, Н. А., Геодакян, И. М. Русский язык: Учебник для III класса одиннадцатилетней армянской школы. Издание второе / Н. Б. Багдасарян, Н. А. Байбуртян, И. М. Геодакян – Ереван : Луйс, 1990. – 268 с.
2. Буш, М. Дед-Мороз у малышей (Сценарий новогоднего праздника) / М. Буш // Елка: художественный материал для детей дошкольного возраста. – М. : НАРКОМПРОС, 1940. – 96 с.
3. Волков, В. В., Хархордин, О. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – 298 с.
4. Гюржинян, Д. Хекекян, Н. Родной-3: Учебник для общеобразовательных школ. Второе и перераб. изд. / Д. Гюржинян, Н. Хекекян. – Ереван : Эдит-Принт, 2011. – 160 с.
5. Есаджян, Б. М. Байбуртян, Н. А. Русский язык: для IV класса одиннадцатилетней армянской школы. Пятое издание, дополненное и переработанное / Б. М. Есаджян, Н. А. Байбуртян. – Ереван: Луйс, 1991. – 335 с.

6. Есаджян, Б. М., Ханзратян, В. М. Солнышко 3 / Учебник для учащихся 3-ого класса общеобразовательных школ / Б. М. Есаджян, В. М. Ханзратян. – Ереван : Эдит Принт, 2008. – 160 с.
7. Ефросинина, Л. А. Литературное чтение: Учебная хрестоматия для учащихся 2 класса общеобразовательных учреждений / Л. А. Ефросинина. – М. : Вентана-Граф, 2006. – 160 с.
8. Ефросинина, Л. А. Литературное чтение: 2 класс: Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1. 4-ое изд., переработанное / Л. А. Ефросинина. – М. : Вентана-Граф, 2006. – 160 с.
9. Карапетян, Т. К. Букварь для армянских школ. Издание одиннадцатое / Т. К. Карапетян. – Ереван : Армучпедгиз, 1960. – 112 с.
10. Климанова, Л. Ф. Горецкий, В. Г. Голованова, М. В. Литературное чтение. 2 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2-х ч. Ч. 1. 7-е изд. / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова. – М. : Просвещение, 2010. – 224 с.
11. Книга для чтения: Учебник для 1 класса / Сост. В. Г. Горецкий [и др.]. – М. : Просвещение, 1984. – 287 с.
12. Кононов, А. Т. Елка в Сокольниках / Кононов, А. Т. //Хрестоматия по детской литературе: Учебное пособие для дошкольных педагогических училищ / Составители М. К. Боголюбская, А. Л. Табенкина. – М. : Учпедгиз, Москва, 1962. – 519 с.
13. Кюркчян, А., Тер-Григорян, Л. Букварь: Учебник для первого класса / А. Кюркчян, Л. Тер-Григорян. – Ереван : Луйс, 1996. – 109 с. (На арм. языке).
14. Кюркчян, А., Тер-Григорян, Л. Букварь: Учебник для первого класса / А. Кюркчян, Л. Тер-Григорян. – Ереван : Луйс, 1998. – 112 с. (На арм. языке).
15. Кюркчян, А. Тер-Григорян, Л. Букварь / А. Кюркчян, Л. Тер-Григорян. – Ереван : Эдит-Принт, 2010. – 128 с. (На арм. языке).
16. Кюркчян, А. Тер-Григорян, Л. Родной 2. Учебник для 2 класса общеобразовательной школы / А. Кюркчян, Л. Тер-Григорян. – Ереван : Эдит-Принт, 2010. – 160 с. (На арм. языке).
17. Лихачев, Д. С. Экология культуры / Лихачев Д. С. // Памятники отечества, 1980, № 2.
18. Лихачев, Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. Том 3 / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург : АРС, 2006. – 509 с.
19. Михайлова, Л. Снежный дом (Сценарий новогоднего праздника) / Л. Михайлова // Елка: художественный материал для детей дошкольного возраста. – М. : НАРКОМПРОС, 1940, – 96 с.
20. Симян, Т. С. От биосферы до ноосферы (опыт критического и функционального описания) / Т. С. Симян // Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий: Антропологический аспект: Материалы III Международной междисциплинарной научной конференции. – Новосибирск : Новосибирский гос. Университет, 2013.– С. 66–76.

21. Симян, Т. С. Трансформация Нового года в советскую и постсоветскую эпоху: опыт исторического описания (на примере Армении и России) / Т. С. Симян // Идеи и Идеалы. – 2018, N 1, Том 2. – Ереван, С. 53–74.
22. Хайнце, К. «Начало учения дѣтемъ»: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры / К. Хайнце. – М. : Канон+, 2014. – 466 с.

О ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМ В ОБРАЗОВАНИИ

Н. А. Телюк

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова 5, 220108,
Минск, Республика Беларусь
e-mail:tsialiuk@bsu.by

В работе осуществлен анализ возможностей студентов гуманитарного профиля в приобретении компетенций для осуществления профессиональной творческой деятельности. Показано, что существующие программы подготовки специалистов-гуманитариев практически не дают возможности обучающимся повышать свой культурный уровень, необходимый для формирования представлений об окружающем мире. Выдвигается мнение о необходимости создания новой модели образовательного процесса.

Ключевые слова: Компетенции, образовательный стандарт, программы высшего образования, естествознание, экологическая культура, синергетика.

ON THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN THE CULTURAL AND THE COMPETENCE PARADIGMS IN EDUCATION

N. A. Telyuk

Belarusian State University, Sociocultural Communications Department,
Kurchatov St. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail:tsialiuk@bsu.by

The article considers the current opportunities for acquiring by the humanities students the competences necessary for their professional creative activity. It is shown that the existing programs of training of specialists in humanities practically do not give the students the chance to